

А. С. Медяков

«СОВЕРШЕННО НОВОЕ СРЕДСТВО АГИТАЦИИ»: НЕМЕЦКАЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ОТКРЫТКА» В АВСТРО-ВЕНГРИИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Почтовая открытка как исторический источник используется весьма редко. Не менее редко она привлекается в исследованиях феномена национализма и национального сознания. Между тем появление открыток и их «золотой век» пришлось на то самое время, когда европейский национализм достиг апогея своего развития — это два-три десятилетия перед Первой мировой войной и ее начальные годы. Речь идет об уникальном комплексном источнике, сочетающем в себе качества носителя информации, чаще всего визуальной, и средства коммуникации. Важно отметить доступность и широкую распространенность открытки. Тиражи могли исчисляться сотнями тысяч экземпляров. Столь массовый спрос объяснялся характером открытки как «письма маленького человека». Открытка была дешевле традиционного письма и требовала минимум усилий при написании.

Среди колоссального многообразия изобразительных сюжетов далеко не последнее место занимали национальные образы. Особенно широко они были представлены на открытках в Австро-Венгрии рубежа XIX и XX вв. В этот период обострившаяся национальная ситуация всколыхнула процессы утверждения собственного национального «я», стимулировала борьбу со всем, что воспринималось как чуждое и угрожающее¹.

¹ Первые открытки как вид почтового отправления, были выпущены в Австро-Венгрии в самом конце 1860-х гг. Важно подчеркнуть сложную, комплексную функцию открытки. К сожалению, большинство исследований сосредоточивается на их иллюстративной стороне (см., например, работы Р. Яворского, посвященные австрийским и чешским открыткам: *Jaworski R.* 1) *Deutsche und tschechische Ansichten. Kollektive Identifikationsangebote auf Bildpostkarten in der späten Habsburgermonarchie.* Innsbruck; Wien; Bozen, 2006; 2) «Hinweg mit der Sprachenverordnung!». *Die deutschen Obstruktionskarten während der Badeni-Krise 1897/1898 // Bohemia.* 2009. Nr 49. S. 3–18.). Между тем, открытка является комплексным источником, специфика которого заключается в соединении публичной и частной сфер: она публично предлагается, но потребляется частным образом (*Huss M.-M.* *Histoires de famille:*

* * *

Для культурного конструкта, каковым является нация, крайне важны символы, посредством которых распространяются национальные представления². Немецкое национальное движение в Австро-Венгрии широко применяло визуализацию в открытках. Представители движения использовали весь богатый набор национальных аллегорий и символов Германской империи, однако нередко придавали им собственный смысл.

В качестве неперенных атрибутов и символов «немецкости» в открытках Австро-Венгрии фигурируют дуб или его листья, василек, а также черно-красно-золотые цвета. Дуб считавшийся «германским» деревом, воплощающим национальные ценности — твердость, устойчивость, надежность и немецкую верность³ использовали носители умеренного национализма и патриотизма. Василек превратился в эмблему правых националистов и пангерманистов⁴. Его называли «прусский цветок» и связывали с культом королевы Луизы⁵, трактуя как выражение «немецкой верности». Он стал для пангерманистов Австро-Венгрии и Германии наглядным выражением их политического кредо. Букет васильков на открытке служил своеобразным кодом для обозначения радикальных «немецко-национальных» и пангерманистских взглядов.

Использование черно-красно-золотых цветов носило похожий смысл. Их в Австро-Венгрии широко применяли националистические, антисемитские и антиславянские объединения и течения⁶, для которых данные оттенки были более «национальными», чем официальные черно-желтые имперские цвета. Черно-красно-золотой триколор преподносился как «великогерманский», что позволяло наделять его пангерманистскими значениями и имплицировать неприятие австрийского многонационального государства.

Австро-венгерские власти отлично понимали заложенный в этих символах смысл. Одна из открыток была запрещена из-за изображенного на ней щита с черно-красно-золотой лентой, поскольку в ней, по словам газеты *Oesterreichische Buchhändler-Correspondenz* «предпринято нечто, что направлено на отрыв одной части от земель австро-венгерской монархии и создание внешней угрозы для государства»⁷. Однако подобные спорадические запреты не могли изменить общую ситуацию, и черно-красно-золотая гамма широчайшим образом присутствовала на австрийских открытках,

cartes postales et culture de guerre. Paris, 2000. P. 16.). Соответственно, анализ этого источника должен учитывать содержание визуального послания (иллюстрацию на лицевой стороне), публичное, в первую очередь, социокультурное бытование открытки, ее роль в различных социальных практиках, частный мир отправителя и получателя. Последнее особенно важно с точки зрения разрешения методологически и практически сложной проблемы — выявление взаимосвязи между посланием, в частности, пропагандистским, и реакцией на него.

² Haupt H.-G., Langewische D. Nation und Religion — zur Einführung // Nation und Religion in der deutschen Geschichte / Hg. v. H.-G. Haupt und D. Langewische. Frankfurt am Main; New York, 2002. S. 18.

³ См.: Osmond J. Politische Symbolik in der deutschen Kunst // Aus Politik und Zeitgeschichte. Nr 20. 2006. S. 23.

⁴ См., например: Weißmann K. Schwarze Fahnen, Runenzeichen: die Entwicklung der politischen Symbolik der deutschen Rechten zwischen 1890 und 1945. Düsseldorf, 1991. S. 35, 38.

⁵ См., например: Förster B. Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des «Idealbilds deutscher Weiblichkeit», 1860–1960. Göttingen, 2011. S. 106–107.

⁶ См.: Weißmann K. Schwarze Fahnen... S. 34, 36.

⁷ Oesterreichische Buchhändler-Correspondenz. 1899. 26. April.

усиливая «немецко-национальный» характер послания подобно тому, как это достигалось с помощью васильков. Более того, в среде немецких националистов имела место мифологизация черно-красно-золотого триколора, который они пытались изобразить не в качестве наследия революции 1848 г. и предшествовавшей ей эпохи, а как «цвета Вотана»⁸ — верховного бога германской мифологии.

В австрийских открытках существенно шире, чем в немецких, представлены сюжеты и атрибуты, отсылавшие к крайне важному для немецкого национализма «германскому мифу»⁹. Культ «германских предков» служил позитивному описанию немецкой нации, подчеркивая ее древность, естественность, а также чистоту, которая все чаще трактовалась в расовом смысле. Однако в монархии Габсбургов в большей степени был востребован интегрирующий момент, позволявший продемонстрировать общность происхождения и крови в качестве основы как для сплочения австрийских немцев, разбросанных по разным провинциям, так и для указания на их единство с немцами Германии.

В роли главных национальных аллегорий выступали женская и мужская фигуры — «Германия» и «Немецкий Михель». Первая, несмотря на долгую предысторию¹⁰, к рубежу XIX и XX вв. воплощала собой своеобразную имперскую трактовку немецкой нации — нации, облеченной в форму созданной в 1871 г. Германской империи. Это существенно ограничивало возможности идентификации с ней немцев, живших за ее пределами. Немецкие националисты пытались выйти из положения, внося в иконографию образа характерные изменения — в австрийских вариантах «Германии» с ее панциря часто исчезает одноглавый орел, используются «общегерманские» черно-красно-золотые цвета, нередко появляется крылатый шлем как отсылка к общим «германским» корням. Со своей стороны, чехи яростно восставали против подобных тенденций, ведя против всего «германского» своеобразную «открыточную войну» — вплоть до того, что богемская почта не пропускала открытки с изображением «Германии»¹¹. Часто «Германия» сохраняла на открытках свой привычный облик, что давало возможность показать политическую близость двух империй, например, путем соединения ее с символической «Аустрией».

Аллегорический образ «Аустрии»¹² так и не смог развиваться в национальный символ. Она олицетворяла в первую очередь династический компонент, поскольку в многонациональной стране именно династия Габсбургов выступала символом единого государства. Именно это обстоятельство существенно стесняло использование аллегии и формирование ее устойчивого иконографического облика — разные национальности имели

⁸ *Weissmann K.* Schwarze Fahnen... S. 42–43.

⁹ См. о германском мифе: *See K. v.* Deutsche Germanen-Ideologie. Vom Humanismus bis zum Gegenwart. Frankfurt am Main, 1970.

¹⁰ См.: *Brunn G.* Germania und die Entstehung des deutschen Nationalstaates. Zum Zusammenhang von Symbolen und Wir-Gefühl // *Symbole der Politik, Politik der Symbole* / Hg. v. R. Voigt. Opladen, 1989. S. 101–122; *Brandt B.* Germania und ihre Söhne: Repräsentationen von Nation, Geschlecht und Politik in der Moderne. Göttingen, 2010.

¹¹ *Deutsch-Soziale Blätter.* 1897. 25. November.

¹² Историю образа см.: *Krasa-Florian S.* Die Allegorie der Austria. Die Entstehung des Gesamtstaatsgedankens in der österreichisch-ungarischen Monarchie und die bildende Kunst. Wien, 2007.

отличные интерпретации и общего государства, и его истории¹³. Поэтому на практике «Аустрия» воплощала собой лишь Цислейтанию — западную половину империи, ее атрибутами являлись традиционные имперские символы — желто-черные цвета, двуглавый орел и императорская корона.

Тем не менее, наличие аллегорической «Аустрии» давало возможность националистам Австрии ссылаться не только на национальное тождество с немцами Германской империи, но и на помощь и солидарность сильного соседа. Так, например, открытки, выпущенные по случаю VI съезда Германского союза певцов, прошедшего в 1902 г. в австрийском Граце, и в буквальном и переносном смысле слова воспевавшего «германство»¹⁴, изображали обменивающихся рукопожатием «Германию» и «Аустрию». Те же идеи содержала и одна из открыток пангерманского издательства «Целье» из города Целе в Штирии, в роли персонификаций на которой выступали памятники — купающаяся в солнечных лучах «Германия» в Нидервальде (Германская империя) и окруженный молниями памятник Иосифу II (он имел в кругах националистов славу «немецкого» кайзера), на фоне которых жмут друг другу руки австриец и немец. Однако в целом из-за уже отмеченной идентификации «Германии» с Германской империей более востребованной национальной аллегорией для обозначения «немецкости» в Австро-Венгрии оказался Немецкий Михель¹⁵.

Первое упоминание о Михеле относится еще к 1541 г. На протяжении нескольких веков своего существования этот образ менялся, однако заложенная еще в раннее Новое время основа сохранялась — Михель воплощал собой немецкий народ. Главной и неотъемлемой его чертой являлась метафора «сна» и «пробуждения»: флегматичный простодушный увалень в ночном колпаке в действительности содержит в себе потенциал огромной силы, он способен к «пробуждению» и великим делам.

В пропагандистских открытках немецких националистов Австро-Венгрии Михель обрел особенную популярность. Мощным катализатором распространения его образа стала попытка в 1897 г. премьер-министра К. Бадени ввести фактическое равноправие чешского и немецкого языков в Богемии. Это вызвало яростные протесты немецкого населения — отразилось в множестве открыток¹⁶, где главной фигурой выступал именно Михель. Появилась серия так называемых «открыток с Михелем» (Michelkarten) австрийского издателя и депутата Э. Штрахе, которые «изображают немецкого Михеля за самыми разнообразными занятиями. Он попирает ногами чешское государственное право, размахивает дубинкой, изгоняет чешского льва и т. д.»¹⁷ (см. Рис. 1).

О значительном общественном резонансе подобных открыток свидетельствует неоднократное обращение к ним прессы, а также судебные процессы. Так, в ноябре 1897 г.

¹³ *Telesko W.* Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien, 2006. S. 64.

¹⁴ *Brusniak F.* Der Deutsche Sängerbund und das «deutsche Lied» // Nationale Musik im 20. Jahrhundert. Kompositorische und soziokulturelle Aspekte der Musikgeschichte zwischen Ost- und Westeuropa. Konferenzbericht, Leipzig 2002 / Hg. v. H. Loos and S. Keym. Leipzig, 2004. S. 418.

¹⁵ См. о Михеле в целом: *Grote B.* Der deutsche Michel. Ein Beitrag zur publizistischen Bedeutung der Nationalfiguren. Dortmund, 1967; *Szarota T.* Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück, 1998.

¹⁶ См.: *Jaworsky R.* «Hinweg mit der Sprachenverordnung!»... S. 3–18.

¹⁷ Salzburger Chronik. 1897. 29. September.

рассматривалась апелляция Штрахе против решения суда в Праге, конфисковавшего его «национальную открытку» с изображением Михеля, который изгоняет чешский символ — двухвостого льва. Апелляция была удовлетворена с обоснованием, что изгнание чешского льва обозначало не борьбу немцев с чехами как нацией, а лишь протест против «чешского государственного права»¹⁸. Тем не менее из-за других «открыток с Михелем» Штрахе подвергся денежному штрафу и даже трехдневному тюремному заключению¹⁹.

Появившись на австрийских открытках во время «кризиса Бадени», Михель уже не сходил с них до Первой мировой войны, продолжая стоять на страже «немецкости» и вызывая противоречивые реакции. Власти раз за разом запрещали открытки с его изображением из-за разжигания национальной розни, однако в немецкой среде «национальные открытки» встречали всеобщее одобрение²⁰. Они оказались особенно резонансным способом агитации, в том числе в силу присущего им сочетания средства коммуникации, массового коммерческого продукта и объекта коллекционирования. Некоторые издатели в погоне за прибылью умышленно производили как можно более вызывающие поли-

тические открытки, чтобы спровоцировать запрет и тем самым увеличить ценность своей продукции, превращавшуюся в коллекционную редкость²¹.

Использование образа Михеля на австрийских открытках не ограничивалось функцией протеста против так и не принятого языкового закона Бадени. На рубеже XIX–XX вв. он стал выражением всего комплекса немецкого национализма в Австро-Венгрии. В частности, на открытках издательства «Целье» Михель привлекался для передачи самых разных национальных смыслов. Например, он оказывается символом движения «Прочь от Рима» — течения, зародившегося в том числе в связи с поддержкой рядом католических организаций языкового закона Бадени и заключавшегося в переходе австрийских немцев из католицизма в более «немецкое» лютеранство²². На взгляд австрийской газеты «Marburger Zeitung», именно в открытке это движение получило удачное воплощение, «показывая нам разгневанного немецкого Михеля, который разрывает цепи, приковывающие его к Риму, и стряхивает со своих ног защитников и сторонников ультрамонтанизма»²³. Характерная для того же немецкого национали-

Рис. 1. Немецкий Михель изгоняет чешского льва. Варнсдорф и Хайда: Э.Штрахе, «Национальная открытка № 2», 1897. Коллекция автора

¹⁸ Neue Freie Presse. 1897. 17. November.

¹⁹ Neues Wiener Journal. 1898. 2. Oktober.

²⁰ См., например: Teplitz-Schönauer Anzeiger. 1900. 4. August.

²¹ Jaworsky R. «Hinweg mit der Sprachenverordnung!»... S. 9.

²² См. подробнее: Trauner K.-R. Die Los-von-Rom-Bewegung. Gesellschaftspolitische und kirchliche Strömung in der ausgehenden Habsburgermonarchie. Szentendre, 1999.

²³ Marburger Zeitung. 1899. 2. April. — Эта открытка также была запрещена как выступающая против католической церкви (Oesterreichische Buchhändler-Correspondenz. 1899. 26. April).

стического комплекса критика системы австро-венгерского дуализма отразилась в другой открытке издательства «Целье», на которой изображены немецкие Михели, кормящие корову общего австро-венгерского бюджета, в то время как молоко от нее забирают венгры²⁴ (Рис. 2).

Открытка «Союза немцев северной Моравии» «художественно вдохновлялась песней “Михель пробудись! Чтобы тебя не продали во сне”»²⁵. Сам факт соединения изображения с песней создавал своеобразный синергетический эффект, усиливавший эмоциональное впечатление. Примечательна и предложенная визуальная трактовка: Михеля будит «Германия», сошедшая со своего постаментов в Нидервальде. Молнии над виднеющимся на заднем плане домом Михеля и спокойное небо над опустевшим постаментом свидетельствуют о том, что под Михелем подразумевались не все немцы обеих империй, а лишь подвергаемая угрозе австрийская часть; женская фигура символизирует Германскую империю, давая надежду на поддержку.

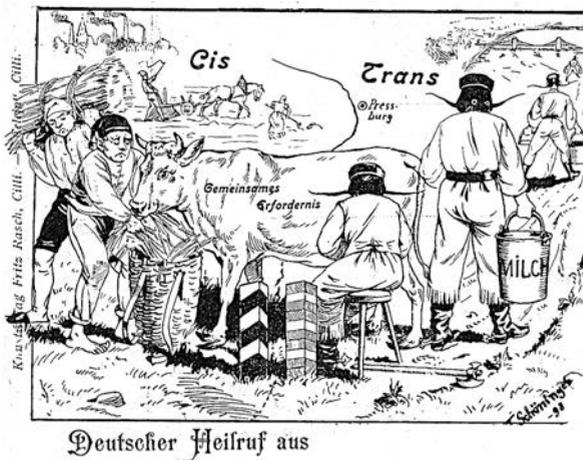

Рис. 2. Цислейтания как «дойная корова» Транслейтании. Целе: Ф. Раш, 1898. Коллекция автора

Показательно то, какими рисуются в австрийских открытках враги Михеля и каким предстает он сам. В целом, перечень врагов вполне характерен для так называемого фелькишского движения в Германии и Австро-Венгрии, обладавшего расистской, антиславянской и антисемитской направленностью²⁶. Так, на двух продолжающих друг друга открытках ферейна (общества) «Пангерманской прессы» враги представлены предельно наглядно: на первой чех, еврей и иезуит пытаются похитить у спящего Михеля приготовленную им еду, на второй проснувшийся Михель их изгоняет.

Характерные метаморфозы претерпела и фигура самого Михеля. В ряде открыток сохранилась традиция его «классического» изображения в виде полнотелого увальня средних лет. Однако на большинстве иллюстраций образ иной. На продукции издательства «Целье» он стремительно молодеет, избавляется от лишнего веса, вместе с молодостью приобретая дополнительные коннотации динамики, развития, обещания будущего. Происходит своеобразная расовая эстетизация его облика. На смену грубоватым чертам Михеля-народа приходит изображение атлетичного белокурого красавца с безукоризненно правильными чертами лица. Таков Михель на уже упоминавшейся выше открытке с будящей его «Германией», на открытке «Союза

²⁴ Медяков А. С. Первая мировая война на почтовых открытках. Т. IV. Киров, 2014. С. 200.

²⁵ Znamer Tagblatt. 1908. 25. Oktober. — Речь идет о переложенных на музыку стихах 1846 г. (см.: Szarota T. Derdeutsche Michel... S. 181).

²⁶ См. подробнее: Hartung G. Völkische Ideologie // Handbuch zur «Völkischen Bewegung» 1871–1918 / Hg. v. U. Puschner, W. Schmitzand, J. H. Ulbricht. München, 1996. S. 22–42.

немцев в Богемии»²⁷, на открытке «Несите стражу!» «Ферейна Зюдмарк». Очевидно, что подобное превращение в «чистокровного арийца» связано с широким распространением в этих фелькишских организациях расовой идеологии. Одновременно идеализация физического облика позволяла наглядно продемонстрировать претензии на расовое превосходство над славянами и евреями, изображавшимися подчеркнуто безобразными. Подобная радикализация образа Михеля стала следствием возросшей национальной борьбы и ощущения угрозы, в которой находились немцы Австро-Венгрии. Показательно, что в Германии Михель испытает подобную эволюцию лишь в годы Первой мировой войны.

Вместе с тем, даже с этими изменениями облика Михеля идеализация образа собственной нации еще не достигла высшей точки. Оставалась еще одна ступень, а именно — ее сакрализация. С этой целью под черно-красно-золотые знамена был призван архангел Михаил. Он считался покровителем Германии, под его стягом еще во времена Средневековья сражались немецкие войска, и

Рис. 3. Архангел Михаил как покровитель немцев.
Ханану: Г. и А. Брюнинг, 1899. Коллекция автора

именно с ним различные теории так или иначе связывают происхождение Немецкого Михеля²⁸. Однако решающие перемены произошли в XIX в.: небесный ангел превратился в немецкую национальную фигуру²⁹. Изменения затронули и иконографию образа — из ангела Михаил все чаще превращается в мужественного воина в латах, борьба против зла смещается с духовного на телесный план. Одним из знаков превращения архангела Михаила в «прусско-немецкого бога войны» служил появляющийся на его панцире Железный крест³⁰.

Немецкие националисты Австрии охотно воспринимали все эти тенденции, позволяющие представить дело собственной нации как безусловно правое и имеющее высшую санкцию. Вместе с тем, даже несмотря на крылья и нимб, архангел Михаил в открытках, по сути, секуляризируется, превращаясь в еще одну национальную фигуру,

²⁷ URL: <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/displayimage.php?pos=-16479> (дата посещения — 04.04.2018).

²⁸ Szarota T. Der deutsche Michel... S. 44–52.

²⁹ Galle M. Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts. München, 2002. S. 129.

³⁰ Fliege T. «Mein Deutschland sei mein Engel Michael». Sankt Michael als national-religiöser Mythos // Alliierte im Himmel. Populare Religiosität und Kriegserfahrung / Hg. v. G. Korff. Tübingen, 2006. S. 177–178.

очередное воплощение «немецкости». Оказывается, что архистратигу вышних сил, низвергателю дьявола, есть дело до конкретных внутривосточных проблем, и даже свой знаменитый пламенеющий меч он обнажает уже не против Сатаны, а лишь против сторонников языкового закона Бадени. Еще чаще встречаются различные программные аллегорические изображения архангела. На одной из открыток прусско-германский орел на груди Михаила и прусский Железный крест на его щите связывают архангела с Германской империей, однако стоит он под «общегерманским» черно-красно-золотым стягом, а ленты и эмблемы с государственными цветами обеих империй оказываются соединенными друг с другом. При этом визуальное послание усиливается надписью «Немецкий привет» (Рис. 3).

Специфическая, символически чрезвычайно насыщенная и вместе с тем часто агрессивно-актуальная иконография открыток с Михелем и архангелом Михаилом была широко известна и иногда оказывала самое неожиданное влияние. Так, одна из католических капелл была расписана совершенно в «открыточном стиле»: художник изобразил архангела Михаила в черно-красно-золотых цветах и придал изгоняемому ангелом дьяволу «богемские черты» и раздвоенный хвост богемского льва. Католическая пресса с возмущением писала: живописец «позволил себе представить св. Архангела в католической церкви так, как он изображается на некоторых открытках “прочь от Рима”; он сделал из Михаила, высшего из ангелов, “немецкого Михеля”»³¹.

Наряду с аллегориями важнейшей символической фигурой для немецких националистов Австро-Венгрии стал Отто фон Бисмарк. Открытки с его изображением националистические объединения использовали весьма широко. Одним из самых ярких «бисмаркианцев» являлся лидер австрийских пангерманистов Георг фон Шенерер³².

Фигура Бисмарка однозначно воспринималась как выражение немецкого национализма всеми сторонами конфликта — и немецкими националистами, и славянскими народами, в их числе чехами. Бисмарк стал символом «немецкости», пангерманских настроений. Для обозначения политической и национальной позиции оказывалось достаточным репродукции его портрета с логотипом соответствующего фрейна.

Различные по происхождению символы и линии аргументации — христианские и языческие, легендарные и исторические — могли бесконфликтно уживаться на одной и той же небольшой картинке, поскольку они отражали разные грани «немецкости», дополняя друг друга. Так, например, Бисмарк оказывался фактически возведенным в пантеон германских богов или даже сам превращался в верховного бога Вотана, причем узнавание его в этом качестве обеспечивалось широко известным благодаря операм Вагнера сценическим атрибутам Вотана-странника — широкополой шляпе, посоху или копыю, а также сопровождавшей его паре воронов или паре волков. Таким образом фигура Бисмарка наделялась чертами мессии, который в случае необходимости явится и спасет³³. Одна из открыток заявляет о мифических перевоплощениях Вотана в облики Карла Великого, Фридриха Барбароссы и Лютера, последней же его реинкарнацией объявляется именно Бисмарк. (Рис. 4).

³¹ Linzer Volksblatt. 1900. 7. Dezember.

³² Об этом см.: *Wladika M. Hitlers Vätergeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie.* Wien; Köln; Weimar, 2005. S. 88–90.

³³ Ср.: *Graf A. «Los von Rom» und «heim ins Reich»: Das deutschnationale Akademikermilieu an den cisleithanischen Hochschulen der Habsburgermonarchie 1859–1914.* Berlin, 2015. S. 151.

* * *

Кем и с какими целями издавались агитационные открытки, насколько востребованными они являлись и как воспринимались самими участниками переписки? К какой среде принадлежали последние?

Производство «национальных открыток» в Австро-Венгрии сосредоточилось в руках отдельных издателей и так называемых немецких «ферейнов защиты». Своей целью они ставили национальную пропаганду и поддержку немецкого языка в этнически смешанных регионах. Наиболее крупными из них являлись «Немецкий школьный ферейн» («Шульферейн») (создан в 1880 г.) и «Ферейн Зюдмарк» (1889). Наряду с ними существовали более локально или профессионально ограниченные «Союз немцев северной Моравии», «Союз немцев в Нижней Австрии», «Имперский союз молодых немецких рабочих», «Союз немецких рабочих альпийских провинций» и др.

Сторонников фелькишского движения в Австро-Венгрии и Германии объединяло как родство идей, так и прямое сотрудничество, в том числе связанное с открытками. Такого рода активностью отличался, например, мюнхенский «Немецко-фелькишский ферейн “Один”». Связанный с ним журнал «Один» — «боевой листок за пангерманское движение»³⁴ — одну из главных задач видел в помощи немцам Австро-Венгрии, сражавшимся на переднем крае борьбы «за германство»³⁵.

В своей агитации журнал с самого начала активно работал с открытками — издавал и рекламировал их на страницах журнала, объявлял конкурсы на создание открыток с «национальными сюжетами». Так, в марте 1899 г. был объявлен конкурс «среди художников немецкой нации» на создание немецко-национальных открыток с изображением старогерманских саг о богах и героях, важных событиях германской истории, а также сатирических открыток на злободневные темы³⁶. Издатели журнала прекрасно отдавали себе отчет, что предназначенные для Австро-Венгрии открытки могут быть изъяты из продажи, и призывали своих сторонников заказывать их заранее для последующего распространения: «В течение недели появятся две новые открытки, одна о “Движении прочь от Рима” и другая “Михель! Проснись!”». Поскольку из-за радикально-национального исполнения этих открыток можно наверняка предполагать, что в течение месяца они будут конфискованы, мы покорно осведомляемся, желаете ли Вы заказать по 50 штук каждой заранее»³⁷.

Открытки занимали важное место в деятельности ферейнов, в их политических и социальных практиках. В частности, они использовались в предвыборных кампаниях как средство агитации и одновременно способ финансирования. Тот же «Один» предлагал печатать любые открытки в соответствии с положением дел в каждом из избирательных округов, персональные («выбирайте истинно-немецкого кандидата...»), или общего характера, направленные против «вредителей немецкой народности» — «чешско-поль-

³⁴ Подробнее см.: *Puschner U. Katholisches Milieu und alldeutsch-völkische Bewegung. Die Münchner Zeitschrift «Odin» (1899–1901) // Le milieu intellectuel catholique en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871–1963) / Das katholische Intellektuellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871–1963) / Hg. v. M. Grunewald and U. Puschner. Bern, 2006. S. 143–167.*

³⁵ *Tiroler Volksblatt*. 1899. 20. Oktober.

³⁶ *Bozner Zeitung*. 1899. 4. April. — Для победителей объявлялись призы в 150, 100 и 50 марок.

³⁷ *Der Burggraefler*. 1899. 10. Mai.

ско-клерикального парламентского большинства), «черного» (католиков-клерикалов) и «красного» «интернационала». Фелькишские газеты Австро-Венгрии наперебой рекламировали продукцию издательства «Один». В частности, газета «Deutsche Wacht», издававшаяся в г. Целе, позиционировала открытки немецко-фелькишского издательства «Один» как «совершенно новое, своеобразное, превосходное, но одновременно дешевое средство агитации», поскольку «лучше, чем самая прекрасная речь или захватывающая листовка, на зрителя часто действует изображение»³⁸. Из этого же объявления видна и утилитарная сторона открыточного дела: ½ геллера с каждой проданной открытки шла

Рис. 4. Бисмарк как Вотан.
Лейпциг: Брейткопф и Хэртель, 1899.
Коллекция автора.

на пополнение фелькишского избирательного фонда. Номер другой фелькишской газеты «Deutsche Nachrichten» был конфискован из-за такой рекламы, что вызвало официальный протест пангерманистов во главе с Шенерером в австрийском парламенте³⁹. Нередко конфисковывались и сами предвыборные «открытки Одина»⁴⁰.

Еще одной сферой применения открыток являлись популяризация и культивирование пангерманских (Alldeutsche) праздников — «день Бисмарка» (1 апреля), «древнегерманские» дни летнего и зимнего солнцестояния. К этим событиям выпускали соответствующие тематические тиражи⁴¹. Сюжеты заказывали художникам. В частности, победителем одного из конкурсов журнала «Один» в 1899 г. стала открытка о празднестве летнего солнцестояния⁴².

Характерные для немецкого национального движения в Австро-Венгрии пангерманистские устремления не ограничивались акцентированием единства немцев Германской империи и Австро-Венгрии.

В число «истинно германских народов» включались голландцы, а также потомки голландских колонистов в Африке — буры. Поэтому англо-бурская война 1899–1902 гг. послужила достаточным поводом для выражения «общегерманской солидарности». «Один» издал открытку «Руки прочь!» — «в художественном отношении одну из лучших среди появившихся до сих пор», как ее рекламировала австрийская националистическая пресса⁴³.

³⁸ Deutsche Wacht. 1900. 8. November; Bozner Zeitung. 1900. 5., 8. November.

³⁹ Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates im Jahre 1901. 55. Sitzung der XVII. Session. Bd VI. Wien, 1901. S. 4756, 4760.

⁴⁰ Bozner Zeitung. 1900. 1. Dezember.

⁴¹ Bozner Zeitung. 1900. 13. Juni.

⁴² Bozner Zeitung. 1899. 29. Mai.

⁴³ См., например: Bozner Zeitung. 1899. 11. Oktober.

Специфика открытки не только как носителя визуального послания, но и средства коммуникации допускала и более деятельные формы проявления солидарности. Приведем один пример. В пограничном Австро-Венгрии саксонском городе Плауэн была издана открытка с изображением одного из героев пантеона немецких националистов — Мартина Лютера. Немецко-национальный характер послания доносился с помощью помещения в рисунок букета васильков, перевязанного черно-красно-золотой лентой, и текстом «Хайль! Отважным бурам и их достойным представителям». Согласно напечатанному типографским способом адресу, открытка должна была следовать в посольство Трансвааля в Брюсселе. Для участия в коллективной акции солидарности отправителю (как свидетельствует штамп, члену местного отделения Пангерманского союза) оставалось только вписать свое имя и адрес в предназначенные для этого строки на лицевой стороне (см. рис. 5 и рис. 6).

Рис. 5. Открытка в поддержку буров. Плауэн: Х.Доймлер. Ок. 1900. Коллекция автора.

Несколько сузить круг адресатов по конфессиональному признаку позволяет позиция католической прессы, которая обрушилась с критикой и открыток, и деятельности протестантского издательства «Один»⁴⁴, с одной стороны, а с другой — фелькишской прессы, где именно католики — «ультрамонтане» — фигурируют в качестве противников «национального дела». Это не означает, что католики вовсе выпадали из немецкого националистического дискурса рубежа веков, однако позволяет предположить, что доля участвовавших в нем протестантов и членов движения «Прочь от Рима!» была существенно выше.

В силу невозможности проанализировать весь объем открыточной корреспонденции нельзя сделать точных выводов об участниках переписки, непосредственно использующих агитационные тиражи. Однако мы можем сделать еще некоторые наблюдения.

Рис. 6. Обратная сторона открытки в поддержку буров.

⁴⁴ См., например: Der Burggraefler. 1899. 10. Mai; Tiroler Volksblatt. 1899. 20. Oktober; Brixner Chronik. 1899. 9. Juni.

Анализ открыток выявляет такую характерную особенность, как широкое их использование участниками студенческих корпораций. Кстати, это свидетельство еще одного вида социальной практики открытки. В коллекции автора настоящей статьи имеется «национальная открытка Штрахе» с типичным для подобной иконографии сюжетом: «германец» со всеми атрибутами (борода, крылатый шлем, одежда из шкур) призывно трубит в рог; стихотворный призыв к немцам Богемии содержит парафразы из национальной песни «Стража на Рейне»; посреди открытки — крупно напечатанное приветствие «Хайль!». Обращают на себя внимание многочисленные подписи под коротким текстом-приветствием личного послания. Очевидно, что открытка была отправлена с некоего собрания (по всей видимости, студентов-корпорантов), о чем свидетельствует перемежающиеся с личными подписями так называемые «циркели» — значки студенческой корпорации (см. рис. 7). Подобные примеры далеко не редкость. Скорее всего, посылать их в качестве приветствия с собраний было распространенной практикой. В романе Генриха Манна «Верноподданный» описано одно из типичных мест встречи студентов-корпорантов — пивная. А одна из испещренных подписями и «циркелями» открыток комментирует это прямо: «Как гость корпорации буршей (Burschenschaft) "Germania" шлю тебе, дорогой друг, сердечные приветствия "хайль" (Heilgrüße) из нашей пивной»⁴⁵ (Рис. 8, 9).

О значительном участии в националистическом дискурсе студентов говорят и иные свидетельства. Так, критикуя деятельность «Одина» и одновременно констатируя усиление влияния австрийских пангерманистов на соседние области Германии, католическая газета «Brixener Chronik» писала, что «сторонников Шенерера и Вольфа»⁴⁶ в Мюнхене следует искать прежде всего среди университетской молодежи⁴⁷. Газета «Tiroler Volksblatt» критически анализируя деятельность «Одина», «заполонившего Австрию своей всевозможной продукцией», делает вывод, что медиаторами распространения

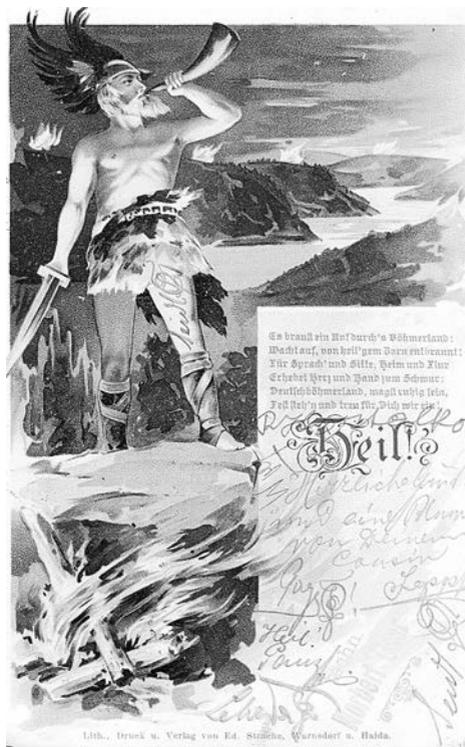

Рис. 7. Открытка в поддержку богемским немцам с «германскими» мотивами. Варнсдорф и Хайда: Э.Штрахе, «Национальная открытка № 2», 1897. Коллекция автора

⁴⁵ Открытка с изображением Бисмарка, «национализированного» с помощью букета васильков, была выпущена ферейном «Зюдмарк». О национальной ангажированности отправивших ее студентов свидетельствуют также наклеенные на нее благотворительные марки двух наиболее крупных националистических объединений — «Зюдмарк» и «Шульферейн».

⁴⁶ Речь идет об известном деятеле фелькишского движения, депутате австрийского ландтага К. Вольфе, известного в том числе своей дуэлью с Бадени.

⁴⁷ Brixener Chronik. 1899. 10. April.

немецко-национальных открыток являлись собственно националистические объединения и ферейны, чрезвычайно распространенные в Германии и в немецких областях Австро-Венгрии: «На службе этому (распространению продукции «Одина». — А. М.) стоят не только разнообразные политические ферейны, но и множество гимнастических, певческих, фехтовальных и студенческих ферейнов, которые под неполитическим флагом совершенно безнаказанно проявляют себя как ревностные носители предательской по отношению к империи идеи. Таким образом дух подстрекательства по широким каналам проникает в народ»⁴⁸. В целом, речь шла, по-видимому, об образованных слоях населения, той среде, о которой А. Гитлер писал: «Там жертвовали в пользу Зюдмарка и Шульферейна, подчеркивали умонастроения посредством васильков и черно-красно-золотых цветов, говорили приветствие “хайль” и вместо императорского гимна охотнее пели “Германия, Германия превыше всего”»⁴⁹.

Итак, мы можем говорить о том, что основными потребителями подобных открыток являлись образованные немцы, преимущественно протестантского вероисповедания. Значительную долю составляли студенты, а также члены различных неполитических объединений — гимнастов, певцов, стрелков и др. Подобные выводы отчасти подтверждаются и анализом текста личных посланий на открытках. Несмотря на особенность открытки, где вплоть до 1904–1905 гг. вся задняя часть отводилась для написания адреса, а для личного текста оставалось совсем небольшое пространство рядом с изображением на лицевой стороне, «личного» места было вполне достаточно для того, чтобы продемонстрировать свой немецко-национальный образ мыслей, ведь до этого фактически хватало одного-единственного слова — «хайль!».

Приветствие «хайль» имело давние корни⁵⁰, но к рубежу веков стало считаться «истинно-немецким» и получило широкое распространение в фелькишском и пангерманском движениях⁵¹. Именно это приветствие в сочетании с соответствующей картинкой является достаточно надежным маркером националистических настроений

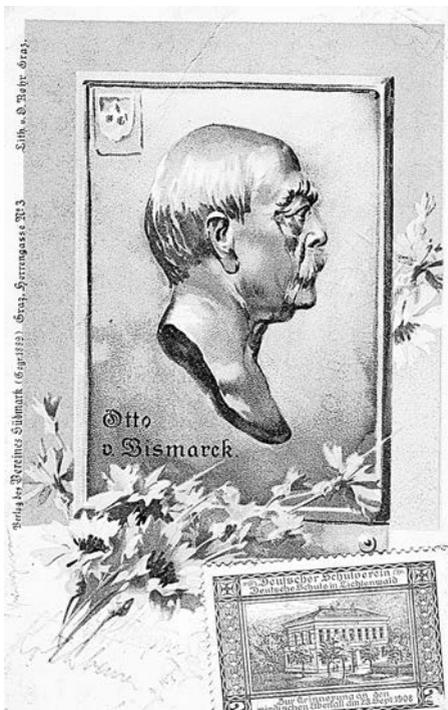

Рис. 8. Бисмарк как “немецко-национальный” символ.
Граз: Издательство ферейна “Зюдмарк”, после 1908. Коллекция автора

⁴⁸ Tiroler Volksblatt. 1899. 20. Oktober.

⁴⁹ Hitler A. Mein Kampf. München, 1936. S. 10.

⁵⁰ См.: Behrenbeck S. «Heil» // Deutsche Erinnerungsorte. Bd III. / Hg. v. E. François and H. Schulze. München, 2009.

⁵¹ Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin, New York, 1998. S. 299–300.

отправителя⁵². О каких бы из вышеперечисленных сюжетах открыток ни шла речь — о Немецком Михеле или его небесном тезке, о Бисмарке или «германцах» — тексты личных посланий начинаются приветствиями типа «Heil!», «Deutscher Heilgruß!», «Heil und Sieg!». Нередко, как на многих из упомянутых выше открытках, весь текст послания и вовсе состоит лишь из приветствия «хайль!». Остальное договаривала открытка. Это приветствие звучит практически на всех экземплярах, анализируемых в настоящей статье.

Можно также говорить о специфике немецко-национальных открыток с точки зрения личных откликов на них. В рассматриваемых открытках символическая и политическая «программа» была представлена настолько ярко, что, по-видимому, практически исключала возможность их случайного использования и заставляла откликаться на послание не только самих участников переписки, но и почтовых чиновников.

Так, националистическая и антисемитская газета «Deutsch-Soziale Blätter» (Немецко-социальные листки) осенью 1897 г. с возмущением сообщала об участившихся случаях, когда в Богемии почта не пропускала открытки с портретами Бисмарка⁵³. А в декабре 1897 г. состоялся суд из-за оскорбления достоинства над отправителем открытки следующего содержания: «Хайль, победа и месть! Любезная фрейлейн! Весь немецкий народ чествует героя, который без усталости стоит на страже своего возлюбленного германства. Из его славных дел произрастает великая победа также и для нас, что подвигает меня на просьбу вместе со мной возгласить нашему высокочтимому депутату восторженное “хайль!”. Большое спасибо за Вашу драгоценную открытку. К сожалению, вся картинка полностью испорчена чешскими почтовыми... (газета пропустила бранное слово. — А. М.) Браунау»⁵⁴.

Рис. 9. Обратная сторона открытки с изображением Бисмарка.

Из этих свидетельств так называемой немецко-чешской «открыточной войны» очевиден совершенно сознательный выбор «национальных» сюжетов открыток обоими участниками переписки: открытка с изображением упоминавшегося выше депутата Вольфа была послана в ответ на другую, исполненную в националистическом ключе,

⁵² Так, автор одной из заметок о чешских мероприятиях против «национальных» открыток замечал, что такими темпами чехи скоро и в приветствии «хайль» увидят «политическую демонстрацию», признавая, таким образом, пусть и в отрицательной форме, связь приветствия с националистическими тенденциями (см.: Znamer Tagblatt. 1905. 19. Februar).

⁵³ Deutsch-Soziale Blätter. 1897. 28. Oktober; 1897. 25. November.

⁵⁴ Grazer Tagblatt. 1897. 22. Dezember.

что следует реакции чешских почтовых чиновников, позволивших себе самостоятельную цензуру не только изображений, но и текстов личных посланий.

Подводя итог, можно сказать, что иллюстрированная открытка сыграла значительную роль в пропаганде и распространении различных национальных смыслов. Она объединяет в себе и делает наглядным — а потому эмоционально более действенным — целый комплекс бытовавших в немецком национальном движении представлений, от антикатолического движения до пангерманизма. Речь идет не только о транспортировке открытками огромного разнообразия визуальных образов и символов, но и об их коммуникативной функции и роли в социальных практиках. Важность этого обстоятельства вытекает из того, что во многом именно посредством разного рода социальных интеракций (празднеств, церемоний, ритуалов) политические и, в частности, национальные мифы становятся действенными⁵⁵. Об эффективности этого воздействия на личном уровне можно судить благодаря тем исключительным качествам, которыми обладает замечательный исторический источник — почтовая открытка.

Информация о статье

Автор: Медяков, Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, alexandr.medyakov@yandex.ru; OrcID orcid.org/0000-0003-0187-6437

Заголовок: «Совершенно новое средство агитации»: немецкая «национальная открытка» в Австро-Венгрии рубежа XIX–XX веков

Резюме: В статье исследуется роль и функции почтовой открытки в Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. Рассмотрены содержание визуальных посланий «немецко-национальных» открыток, их социокультурное бытование и связанные с ними практики, реакция на них пользователей. Анализируются использовавшиеся в открытках немецкие национальные символы («Германия», «Немецкий Михель», архангел Михаил, Бисмарк, «немецкий дуб» и др.), а также их инструментализация в национальной борьбе, в частности, против языковых законов Бадени 1897 г. Выявляется роль националистических «ферейнов защиты» в издании, распространении и пропагандистском использовании открыток. Ставится проблема сотрудничества фелькишских организаций Австро-Венгрии и Германии, в котором заметное место занимали открытки, использовавшиеся в качестве средства пропаганды. Делается вывод о социокультурной среде потребителей подобных открыток. Ими в первую очередь являлись образованные немцы, преимущественно протестантского вероисповедания. Значительную долю составляли студенты, а также члены различных неполитических объединений — гимнастов, певцов, стрелков и др. Ярко выраженный национальный и пропагандистский характер открыток стал причиной более четкой и чаще проявлявшейся реакции на них в текстах письменных посланий по сравнению с открытками других жанров. Вместе с тем агрессивность и категоричность подобных визуальных посланий делала круг их адресатов достаточно узким, с одной стороны, а с другой — побуждала к ответным реакциям затронутые критикой стороны (прежде всего, католиков и чехов).

Ключевые слова: открытки, Австро-Венгрия, фелькишское движение, национальная проблема, национализм, пропаганда

Литература, использованная в статье:

Медяков, Александр Сергеевич. Первая мировая война на почтовых открытках. Т. IV. Киров: Издательский дом «Крепостновъ», 2014. 467 с.

Behrenbeck, Sabine. «Heil» // *Deutsche Erinnerungsorte*. Bd III / Hg. v. François, Étienneand und Schulze, Hagen. München: Verlag C. H. Beck, 2009. S. 310–327.

Brandt, Bettina. *Germania und ihre Söhne: Repräsentationen von Nation, Geschlecht und Politik in der Moderne*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 413 s.

Brunn, Gerhard. *Germania und die Entstehung des deutschen Nationalstaates. Zum Zusammenhang von Symbolen und Wir-Gefühl // Symbole der Politik, Politik der Symbole* / Hg. v. Voigt, Rüdiger. Opladen: Leske Verlag, 1989. S. 101–122.

⁵⁵ Speth R. *Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert*. Opladen, 2000. S. 115–126.

Brusniak, Friedhelm. Der Deutsche Sängerbund und das «deutsche Lied» // Nationale Musik im 20. Jahrhundert. Kompositorische und soziokulturelle Aspekte der Musikgeschichte zwischen Ost- und Westeuropa. Konferenzbericht / Hg. v. Loos, Helmut und Keym, Stefan. Leipzig: Gudrun Schröder Verlag, 2004. S. 409–421.

Fliege, Thomas. «Mein Deutschland sei mein Engel Michael». Sankt Michael als national-religiöser Mythos // Alliierte im Himmel. Populäre Religiosität und Kriegserfahrung / Hg. v. Korff, Gottfried. Tübingen: Tübinger Vereinigung für Volkskunde, 2006. S. 177–178.

Förster, Birte. Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des «Idealbilds deutscher Weiblichkeit», 1860–1960. Göttingen: V&R unipress, 2011. 492 s.

Galle, Maja. Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts. München: Utz, Wiss., 2002. 234 s.

Graf, Alexander. «Los von Rom» und «heim ins Reich»: Das deutschnationale Akademikermilieu an den cisleithanischen Hochschulen der Habsburgermonarchie 1859–1914. Berlin: Lit Verlag, 2015. 248 s.

Grote, Bernd. Der deutsche Michel. Ein Beitrag zur publizistischen Bedeutung der Nationalfiguren. Dortmund: Ruhfus, 1967. 89 s.

Hartung, Günter. Völkische Ideologie // Handbuch zur «Völkischen Bewegung». 1871–1918 / Hg. v. Puschner, Uwe; Schmitz, Walter; Ulbricht, Justus H. München: [u. a.], 1996. S. 22–42.

Haupt, Heinz-Gerhard; Langewische, Dieter. Nation und Religion — zur Einführung // Nation und Religion in der deutschen Geschichte / Hg. v. Haupt, Heinz-Gerhard und Langewische, Dieter. Frankfurt am Main; New York: Campus, 2002. S. 11–32.

Hitler, Adolf. Mein Kampf. München: Zentralverlag Franz Eher, 1936. 781 s.

Huss, Marie-Monique. Histoires de famille: cartes postales et culture de guerre. Paris: Éditions Noesis, 2000. 337 p.

Jaworski, Rudolf. Deutsche und tschechische Ansichten. Kollektive Identifikationsangebote auf Bildpostkarten in der späten Habsburgermonarchie. Innsbruck; Wien; Bozen: Studienverlag, 2006. 218 s.

Jaworski, Rudolf. «Hinweg mit der Sprachenverordnung!». Die deutschen Obstruktionskarten während der Badeni-Krise 1897/1898 // Bohemia. 2009. Nr 49. S. 3–18.

Krasa-Florian, Selma. Die Allegorie der Austria. Die Entstehung des Gesamtstaatsgedankens in der österreichisch-ungarischen Monarchie und die bildende Kunst. Wien: Böhlau Verlag, 2007. 280 s.

Osmond, Jonathan. Politische Symbolik in der deutschen Kunst // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. Nr 20. S. 22–30.

Puschner, Uwe. Katholisches Milieu und alldeutsch-völkische Bewegung. Die Münchner Zeitschrift «Odin» (1899–1901) // Le milieu intellectuel catholique en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871–1963) / Das katholische Intellektuellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871–1963) / Hg. v. Grunewald, Michel und Puschner, Uwe. Bern: Lang, 2006. S. 143–167.

See, Klaus von. Deutsche Germanen-Ideologie. Vom Humanismus bis zum Gegenwart. Frankfurt am Main: Athenäum, 1970. 105 s.

Schmitz-Berning, Cornelia. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin; New York: Walter de Gruyter 1998. 710 s.

Speth, Rudolf. Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert. Opladen: Leske und Budrich, 2000. 502 s.

Szarota, Tomasz. Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück: Fibre, 1998. 421 s.

Telesko, Werner. Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2006. 576 s.

Trauner, Karl-Reinhard. Die Los-von-Rom-Bewegung. Gesellschaftspolitische und kirchliche Strömung in der ausgehenden Habsburgermonarchie. Szentendre: P. Tillinger, 1999. 751 s.

Weißmann, Karlheinz. Schwarze Fahnen, Runenzeichen: die Entwicklung der politischen Symbolik der deutschen Rechten zwischen 1890 und 1945. Düsseldorf: Droste, 1991. 282 s.

Wladika, Michael. Hitlers Vätergeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2005. 675 s.

Information about the article

Author: Medyakov, Alexander Sergeevich — Ph. D. in History, Associate Professor, Faculty of History, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, alexandr.medyakov@yandex.ru; OrcID orcid.org/0000-0003-0187-6437

Title: «A completely new means of agitation»: the German «national postcard» in Austria-Hungary at the turn of the 19th and 20th centuries

Summary: The article explores the role and functions of postcards in Austria-Hungary at the turn of the 19th and 20th centuries. The content of visual messages of «German-national» postcards, their socio-cultural existence and associated practices, and the reaction of users to them are studied. The German national symbols used in postcards (Germany, German Michel, Archangel Michael, Bismarck, German Oak, etc.), as well as their instrumentalization in the national struggle, in particular against the language laws of Badeni, 1897, are analyzed. The role of nationalist organizations in the publication, distribution and propaganda use of postcards is revealed. The problem of cooperation between the Völkisch organizations of Austria-Hungary and Germany is posed, in which postcards used as a means of propaganda took a prominent place. There are conclusions about the socio-cultural environment of consumers of such postcards. They were, first of all, educated Germans, mainly Protestant faith. A significant proportion were students, as well as members of various non-political associations — gymnasts, singers, shooters, etc. The pronounced national and propaganda nature of postcards caused a clearer and more frequent reaction to them in the texts of written messages compared to postcards of other genres. At the same time, the aggressiveness and categoricity of such visual messages made the circle of their addressees narrow enough, on the one hand, and, on the other hand, encouraged the sides affected by criticism, especially Catholics and Czechs, to respond.

Keywords: postcards, Austria-Hungary, Völkisch movement, national problem, nationalism, propaganda

References:

Behrenbeck, Sabine. «Heil» [«Heil»], in François, Étienne; Schulze, Hagen (eds). *Deutsche Erinnerungsorte*. Bd III. Munich: C. H. Beck Publ., 2009. Pp. 310–327. (in German).

Brandt, Bettina. *Germania und ihre Söhne: Repräsentationen von Nation, Geschlecht und Politik in der Moderne* [Germany and her sons: Representations of nation, gender and politics in the modernity]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2010. 413 p. (in German).

Brunn, Gerhard. Germania und die Entstehung des deutschen Nationalstaates. Zum Zusammenhang von Symbolen und Wir-Gefühl [Germany and the emergence of the German nation state. On the connection between symbols and we-feeling], in Voigt, Rüdiger (ed.). *Symbole der Politik, Politik der Symbole*. Opladen: Leske Publ., 1989. Pp. 101–122. (in German).

Brusniak, Friedhelm. Der Deutsche Sängerbund und das «deutsche Lied» [The Deutsche Sängerbund and the «German song»], in Loos, Helmut; Keym, Stefan (eds). *Nationale Musik im 20. Jahrhundert. Kompositorische und soziokulturelle Aspekte der Musikgeschichte zwischen Ost- und Westeuropa. Konferenzbericht*. Leipzig: Gudrun Schröder Publ., 2004. Pp. 409–421. (in German).

Fliege, Thomas. «Mein Deutschland sei mein Engel Michael». Sankt Michael als national-religiöser Mythos [«My Germany is my angel Michael». Saint Michael as a national-religious myth], in Korff, Gottfried (ed.). *Alliierte im Himmel. Populare Religiosität und Kriegserfahrung*. Tübingen: Tübinger Vereinigung für Volkskunde Publ., 2006. Pp. 177–178. (in German).

Förster, Birte. *Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des «Idealbilds deutscher Weiblichkeit», 1860–1960* [The Queen Louise Myth: Media History of the «Ideal Image of German Femininity», 1860–1960]. Göttingen: V&R unipress Publ., 2011. 492 p. (in German).

Galle, Maja. *Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts* [The Archangel Michael in German art of the 19th century]. Munich: Utz. Wiss. Publ., 2002. 234 p. (in German).

Graf, Alexander. «Los von Rom» und «heim ins Reich»: Das deutschnationale Akademikermilieu an den cisleithanischen Hochschulen der Habsburgermonarchie 1859–1914 [«Away from Rome» and «home to the Reich»: The German-national academic milieu at the Cisleithan universities of the Habsburg monarchy 1859–1914]. Berlin: Lit Publ., 2015. 248 p. (in German).

Grote, Bernd. *Der deutsche Michel. Ein Beitrag zur publizistischen Bedeutung der Nationalfiguren* [The German Michel. A contribution to the publicistic significance of the national figures]. Dortmund: Ruhfus Publ., 1967. 89 p. (in German).

Hartung, Günter. Völkische Ideologie [перевод], in Puschner, Uwe; Schmitz, Walter; Ulbricht, Justus H. (eds). *Handbuch zur «Völkischen Bewegung». 1871–1918*. Munich: [u. a.], 1996. Pp. 22–42. (in German).

- Haupt, Heinz-Gerhard; Langewische, Dieter. Nation und Religion — zur Einführung [Nation and religion — for introduction], in Haupt, Heinz-Gerhard; Langewische, Dieter (eds). *Nation und Religion in der deutschen Geschichte*. Frankfurt am Main; New York: Campus Publ., 2002. Pp. 11–32. (in German).
- Hitler, Adolf. *Mein Kampf* [My fight]. Munich: Franz Eher Publ., 1936. 781 p. (in German).
- Huss, Marie-Monique. *Histoires de famille: cartes postales et culture de guerre* [Family stories: postcards and culture of war]. Paris: Éditions Noesis Publ., 2000. 337 p. (in French).
- Jaworski, Rudolf. *Deutsche und tschechische Ansichten. Kollektive Identifikationsangebote auf Bildpostkarten in der späten Habsburgermonarchie* [German and Czech views. Collective identification offers on picture postcards in the late Habsburg monarchy]. Innsbruck; Wien; Bozen: Studienverlag Publ., 2006. 218 p. (in German).
- Jaworski, Rudolf. «Hinweg mit der Sprachenverordnung!». Die deutschen Obstruktionskarten während der Badeni-Krise 1897/1898 [«Down with the language decree!». The German obstructivepostcards during the Badeni crisis 1897/1898], in *Bohemia*. 2009. Issue 49. Pp. 3–18. (in German).
- Krasa-Florian, Selma. *Die Allegorie der Austria. Die Entstehung des Gesamtstaatsgedankens in der österreichisch-ungarischen Monarchie und die bildende Kunst* [The allegory of Austria. The emergence of the overall state idea in the Austro-Hungarian monarchy and the visual arts]. Wien: Böhlau Publ., 2007. 280 p. (in German).
- Medyakov, Aleksandr Sergeevich. *Pervaya mirovaya vojna na pochtovykh otkrytkakh* [World War I in Postcards]. Vol. IV. Kirov: Krepostnov Publ., 2014. 467 p. (in Russian).
- Osmond, Jonathan. Politische Symbolik in der deutschen Kunst [Political symbolism in German art], in *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2006. Issue 20. Pp. 22–30. (in German).
- Puschner, Uwe. Katholisches Milieu und alldeutsch-völkische Bewegung. Die Münchner Zeitschrift «Odin» (1899–1901) [Catholic milieu and Pan-German-völkisch movement. The Munich journal «Odin» (1899–1901)], in Grunewald, Michel; Puschner, Uwe (eds). *Le milieu intellectuel catholique en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871–1963) / Das katholische Intellektuellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871–1963)*. Bern: Lang, 2006. Pp. 143–167. (in German).
- Schmitz-Berning, Cornelia. *Vokabular des Nationalsozialismus* [Vocabulary of National Socialism]. Berlin; New York: Walter de Gruyter Publ., 1998. 710 p. (in German).
- See, Klaus von. *Deutsche Germanen-Ideologie. Vom Humanismus bis zum Gegenwart* [German Germanic ideology. From humanism to the present]. Frankfurt am Main: Athenäum Publ., 1970. 105 p. (in German).
- Speth, Rudolf. *Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert* [Nation and revolution. Political myths in the 19th century]. Opladen: Leske und Budrich Publ., 2000. 502 p. (in German).
- Szarota, Tomasz. *Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps* [The German Michel. The story of a national symbol and self-stereotype]. Osnabrück: Fibre Publ., 1998. 421 p. (in German).
- Telesko, Werner. *Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts* [Historical space Austria. The Habsburgs and their history in the visual arts of the 19th century]. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Publ., 2006. 576 p. (in German).
- Trauner, Karl-Reinhard. *Die Los-von-Rom-Bewegung. Gesellschaftspolitische und kirchliche Strömung in der ausgehenden Habsburgermonarchie* [The Away-from-Rome movement. Socio-political and church currents in the outgoing Habsburg monarchy]. Szentendre: P. Tillinger Publ., 1999. 751 p. (in German).
- Weißmann, Karlheinz. *Schwarze Fahnen, Runenzeichen: die Entwicklung der politischen Symbolik der deutschen Rechten zwischen 1890 und 1945* [Black flags, runes: the development of the political symbolism of the German Right between 1890 and 1945]. Düsseldorf: Droste Publ., 1991. 282 p. (in German).
- Wladika, Michael. *Hitlers Vätergeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie* [Hitler's father generation. The origins of National Socialism in the k.u.k. monarchy]. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Publ., 2005. 675 p. (in German).